

Рубинштейн Е.Б., доктор исторических наук, профессор
Костанайский государственный педагогический институт

**МИКРОИСТОРИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ НА
ПРИМЕРЕ КНИГИ Х.КОНТРЕРАСА «ИНКВИЗИТОРЫ И ТАЙНЫЕ ИУДЕИ»**

Микроистория как одно из ведущих и наиболее перспективных направлений в исторической науке получила широкое распространение и признание в 90-х годах XX - начале XXI века. Пионерами в разработке микроистории выступили итальянские ученые во главе с Карло Гинзбургом. Этот метод привлек внимание французских историков, в частности повлиял на формирование четвертого поколения Анналов. Однако на постсоветском историческом пространстве микроистория продолжает оставаться малоизвестным направлением. Ярким и классическим ее образцом является книга ведущего испанского историка Х. Контрераса «Инквизиторы и тайные иудеи», опубликованная на русском языке в 2004 году [1].

О развитии испанской исторической науки в новейший период известно настолько мало, что в последних учебниках по историографии новейшего времени отсутствует глава, посвященная испанской историографии. Развитие ее очень интересно и многообещающе. Демократизация испанского общества после смерти Франко поставила перед историками этой страны множество теоретических проблем, одной из которых был тоталитаризм и диктатура в испанской истории. Эта проблема имела свои истоки в средневековой истории Испании, в учреждении папской буллой инквизиции и создании ее репрессивного аппарата, в подавлении всякого инакомыслия в течение нескольких веков.

Вышеназванные проблемы стали центральными в исследованиях выдающегося испанского историка Хайме Контрераса. Признанием его заслуг перед историческим сообществом

стало избрание председателем испанской Ассоциации историков Нового времени (2000-2001).

Его научные интересы широки и разнообразны, но наиболее известные труды посвящены истории инквизиции, проблемам обращенных в христианство евреев, известных специалистам как феномен «конверсо», религиозной культуры в Европе Нового времени.

Среди работ «Святая инквизиция в Галисии, 1560-1700: власть, общество и культура», опубликованная в 1982 году. Исследованием, принесшим автору мировую известность, стала монография «Сото против Рикельмо: рехидоры, инквизиторы и тайные иудеи», изданная в 1992 году. Она вызвала огромный интерес как среди профессиональных историков, так и среди многочисленных читателей. Во Франции книга вышла в 1997 году под названием «Власть и инквизиция в Испании X века». Успех во Франции способствовал тому, что Контрерас стал лауреатом престижной награды Пальмовой ветви Французской Академии, присуженной Министерством образования Франции за заслуги в области образования. Книга включена ведущими историческими школами университетов Испании, Италии, Франции, Аргентины, Бразилии и других стран в учебные планы обязательной литературы. В России она стала известна как «Инквизиторы и тайные иудеи. Власть, культура и религия в Испании Золотого века».

Контрерас продолжал исследования по истории инквизиции. В 1997 году им опубликована «История испанской инквизиции (1478-1834): ереси, преступления и представления о

них.» В 2003 году из под пера испанского историка вышла книга «Карл Второй Околдованный. Власть и уныние при дворе последнего испанского Габсбурга».

История инквизиции – традиционная тема испанских историков, так как без осмысления этого специфического института испанского абсолютизма невозможно понять испанскую историю. Первым ее историком стал Льоренте, в прошлом секретарь святейшей инквизиции. В годы наполеоновской оккупации Испании он примкнул к так называемым «офранцузенным». Наполеон назначил его главным хранителем архивов инквизиции с целью их рассекречивания. Результатом работы в архивах стал труд «Критическая история испанской инквизиции»[2]. До настоящего времени он считается классическим.

В XX веке историки осознали, что архивы инквизиции содержат ценнейшие исторические источники, богатейший фактический материал. Контрерас максимально использовал эти архивы. В его книге описываются знаменитые инквизиционные процессы в двух испанских городах Лорке и Мурсии в 50-70 годах XVI века.

Города Лорка и Мурсия стали частью Испании после падения Гранадского халифата в 1492 году, и перед их еврейскими общинами стала дилемма, принять христианство или покинуть страну. Здесь не было раскола. В полном составе евреи этих городов перешли в христианство, пополнив ряды «новых христиан». Следует отметить, что 70 лет «старые» и «новые» христиане Лорки и Мурсии жили в мире и дружбе, и между ними не возникало разногласий или инцидентов.

Контрерас показывает шаг за шагом как пустячный бытовой инцидент, случившийся в 1550 году в Лорке достойный пера Боккаччо, перерос в кровавую трагедию, потрясшую оба города. Инквизиционные архивы рас-

сказали очень много о нравах, проблемах жителей, «послушать» через четыре столетия их живую речь. Зерно конфликта заключалось в следующем. Некая сеньора Магдалена Лопес, из «новых христиан», никак не могла поладить со своей снохой, которую вездесущая молва уже заклеила «гулящей». Превентивные меры типа таскания ослушницы за волосы или потасовок с ее любовником привели к неожиданному результату. Избитый обидчик во всеуслышание заявил, что он отправит «эту суку Лопес на костер». Поколоченный любовник прямоком пошел к главе инквизиции в городе Лорка. Тот его прекрасно понял и решил использовать возможное «дело» для собственного карьерного роста. Дело о «тайных иудеях» могло способствовать его повышению. Инквизитор дал соответствующие указания незадачливому соблазнителю, тот проинструктировал свою любовницу, и через несколько дней в канцелярию инквизиции поступило два доноса от снох сеньоры Лопес о том, что она тайно исповедует веру Моисея. Сеньора Лопес по этим доносам попала в застенки инквизиции. Но через некоторое время в одной из снох заговорила совесть и она с покаянным признанием пришла к секретарю инквизиции, просила отпустить свекровь, признавалась, что по злобе ее оговорила. Запоздавшее покаяние не привело к освобождению Лопес, но снохе было объявлено, что она должна хранить молчание, так как все дела инквизиции являются тайными. Неразумная женщина не поняла намека и стала обсуждать эту ситуацию со знакомыми. По городу поползли сплетни, подрывавшие авторитет святейшей инквизиции. И следующей жертвой стала сама говорливая сноха. Ее тоже препроводили к свекрови. Методы выбивания показаний испанской инквизиции хорошо известны. И очень скоро честлюбивый инквизитор Кристобаль де Саласар получил целый

«список» участников так называемой «тайной синагоги» в Лорке. В него попали десятки ни в чем не повинных людей. Едва не треть всех жителей злополучного городка оказалась в застенках инквизиции. Скоро Лорка запылала. Одно зловещее аутодафе следовало за другим. Пламя быстро перекинулось в соседнюю Мурсию, где проживали родственники осужденных «тайных иудеев» Лорки.

Контрерас блестяще вписывает события, происшедшие в Мурсии, в общий исторический контекст Испании в 1540-1560 годах, когда, по его словам, принятие «Положения о чистоте крови» (то есть отсутствии еврейских или арабских предков) совпало с «первыми финансовыми проблемами монархии, и вот тут-то и разразился настоящий конфликт». Для пополнения пустой казны император Карл V и его сын король Филипп II занимались открытой торговлей дворянскими званиями и должностями в муниципальных советах городов[3]. В Мурсии, по свидетельству историка, покупателей на дворянство нашлось много и городская атмосфера накалилась до предела. «Тогда взяла слово Святейшая Инквизиция и осудила за ересь тех, кто был сочтен «бесчестным претендентом».

В городе Мурсия в рассматриваемый период общественная жизнь вращалась вокруг соперничающих кланов Сото и Рикельме, члены которых принадлежали к городской верхушке. Клан Сото, по оценке Контрераса, был знатнее, но противники из стана Рикельме не упускали случая намекнуть, что его члены породнились с «новыми христианами».

В конце 1556 года испанская корона предложила в Мурсии продать 150 званий идалго, различные должности в муниципальном совете, в том числе наиболее важные – рехидоров (членов муниципального совета)[4, с.121]. Между кланами Сото и Ри-

кельме вспыхнула настоящая война из-за этих должностей. Муниципалитет направил список из 12 претендентов на 5 должностей рехидоров в Мадрид для решения вопроса. Публикация списка избранных вызвала в городе бурю: утверждены были трое «новых» и два «старых» христианина. Клан Рикельмо ополчился на новых членов муниципалитета сомнительного, с их точки зрения, происхождения. Канцелярию инквизиции Мурсии засыпали доносами, связывающими вновь избранных рехидоров с «тайной синагогой» в Лорке. Эпидемия чумы в 1558 году ускорила ход событий. Многие состоятельные семьи, спасаясь от нее, уехали в свои поместья. Поэтому когда собрался муниципальный совет, то в нем оказалось больше сторонников Рикельме, которые громогласно кричали, что рехидоры из «новых христиан» трусливо бежали, бросив город в момент опасности.

Инквизитор Кристоаль де Саласар дал ход накопившимся доносам, и богатейшие негоцианты Мурсии, в том числе, новые рехидоры, попали в застенки инквизиции. Грандиозное аутодафе 1560 года стало унижением клана Сото, так как на костер взошли все три рехидора из «новых христиан». После этого и других процессов, конфискации имущества осужденных, по признанию служителя инквизиции, «казна самого Трибунала пребывает в отменном состоянии» [1, с.117]. Однако, слабо разбираясь в вопросах экономики, инквизиторы пустили с молотка это имущество за полцены. Контрерас подробно описывает, как удалось разбогатеть «новым христианам» на торговле шелком, имениях с тузовыми деревьями, откупе налогов.

По оценке историка, «годы, прошедшие между 1560 и 1571 годами, - самое трагическое десятилетие, выпавшее на долю «новых христиан» Мурсии»[1, с. 91]. Но клан Сото не

думал сдаваться. Поэтому очень скоро королевский двор и Верховный Совет Инквизиции (Супрема) были поставлены в известность, что за действиями мурсийского трибунала стояли интересы некоторых конкретных лиц, а именно клана Рикельме. Дело кончилось тем, что Саласара отозвали из Мурсии. Оставшийся вместо него дон Херонимо Манрике, незаконнорожденный сын Генерального Инквизитора при Карле Алонсо Манрике, оказался в очень сложной ситуации. По городу ползли слухи. Доктор Хуан Бернебу, пользовавшийся в городе непререкаемым авторитетом, отважно разоблачал то, что считал проявлением несправедливости и произвола. Между тем Манрике успел восстановить против себя весь клан Рикельмо, когда арестовал несколько его членов, ввязавшихся в драку с его приближенным. Они были приговорены светским судом к отсечению рук, а весь клан объявил инквизитору вендетту. Сначала предполагалось его избить, но остановились на том, что современным языком называется «черным пиаром». В этой ситуации катастрофического падения авторитета главы мурсийского трибунала в середине 1563 года прокатилась волна отказа от прежде данных показаний. Так называемые «примиренные» с церковью теперь утверждали, что делали свои признания о синагоге под давлением. Все недовольные были вызваны в Трибунал и предупреждены о возбуждении нового процесса, если они не прекратят свое правдоискательство. Но весь цвет мурсийского общества требовал вмешательства епископа Картахены для обуздания произвола инквизитора Манрике, ибо в городе разразился настоящий скандал, когда из рассказов «примиренных» стало ясно, что практически все население находилось под подозрением в списках инквизиции.

Родственники «отказников», то есть тех, кто отказался от прежних

показаний, обратились непосредственно к Генеральному Инквизитору Фернандо де Вальдесу, выражая полное несогласие с ведением дел трибуналом в Мурсии, а так как он не удостоил их ответом, просители апеллировали к королю Филиппу с просьбой проверить отклонения от закона, допущенные Саласаром и Манрике: «Ваше Величество! Наделите этого визитадора необходимыми полномочиями, ибо когда инквизиторы хватают арестантов, те в отчаянии спрашивают на улицах, нет ли кого-нибудь, кто мог бы доложить о происшедшем королю. Если Вы, Ваше Величество, не вмешаетесь, то могут произойти большие неприятности вплоть до восстания» [1, с.209]. Королевская канцелярия была засыпана прошениями, в которых объяснялось, что инквизиторы «хотели отнять наше поместье, потому что оно было большим, а дом – добротным» [1, 210]. Вышеназванным прошением Херонима де Авельянида добивалась от короля, чтобы дело ее отца было пересмотрено, прислали проверяющего (визитадора) и Манрике лишили судебных полномочий. Ее прошение невозможно было просто выбросить в корзину для мусора, так как сопровождалось рекомендательным письмом епископа Картахены. Королю стало известно, что некоторые из «примиренных» отправились в Рим, чтобы просить помощи и защиты у Папы Римского. Дело приобретало нешуточный поворот, так как уже несколько лет Филипп был в напряженных отношениях со святым престолом.

Одним из центральных вопросов европейской дипломатии того периода было дело архиепископа Толедского Каррансы, обвиненного испанской инквизицией в ереси, но взятого под защиту в Риме [5, с.262]. На рубеже 1565 и 1566 годов в Рим прибыли первые паломники, добившиеся того, что послание о несправедливых

страданиях жителей Мурсии попало в руки Папы Римского. Так в Риме узнали о трагических судьбах семей Лары, Валибреры, Гальенов и Айльонов. Луиса Перес, на глазах которой умирали на костре ее муж и сын, поведала в Риме как ей удалось спастись. По совету служителя инквизиции она оговорила тех, на кого ей указали.

Трагическая история этой женщины, получившая распространение в ватиканских кругах благодаря старания двух итальянских кардиналов, произвела шокирующее впечатление. Это был разгар спора между королем Филиппом и Папой Пием вокруг дела Каррансы, а потому мурсийское дело решили использовать, чтобы король стал уступчивее. Папа лично написал Генеральному Инквизитору Эспиносе следующее: «Многие жители Мурсии жаловались Папе на то, что инквизиторы Саласар и Херонимо (Манрике – Е.Р.) нехорошо обошлись со многими людьми и, чтобы поправить это, нужно чтобы... дон Педро Герреро, архиепископ гранадский, разобрался в этих делах» [1, с.218]. Это так называемое «бреве», то есть краткое послание, гарантировало неприкосновенность паломников по возвращению на родину.

В Испании решили не тревожить архиепископа Гранады, но направить визитатора от Супремы. Доктор Айора добивался оправдания казненных, не оставив камня на камне от предыдущих обвинений. Инквизиция как институт не могла ошибаться, поэтому козлом отпущения сделали инквизитора Манрике, писавшего в бесильной ярости: «Движимые ненавистью эти еретики и их родственники завладели умом и совестью некоторых консультантов инквизиции и сумели загубить всю работу, которую мне удалось проделать» [1, с. 228]. Айора просил Супрему во имя установления спокойствия, удалить Манрике из города и прислать другого инквизитора. Манрике был отстранен

от дел, что означало провал в самом начале карьеры этого честолюбца. Однако мурсийское дело не помешало ему сделать блестящую карьеру, увенчавшуюся назначением его на пост Генерального Инквизитора в 1593 году.

Айора за мурсийское дело благодарным королем был назначен епископом. В Мурсию прибыл однофамилец прежнего инквизитора Сото де Саласа, который сделал все для установления спокойствия в городе. Последний возмутитель спокойствия Хинес де Себальос стал последней жертвой аутодафе 1568 года, так как упорно пытался будоражить общественное мнение, которое теперь кардинально изменилось. Измученный город хотел покоя. Сото де Саласар просмотрел свыше 400 заведенных его предшественниками дел, которые потихоньку прикрывал. Также он занимался социальной реабилитацией, то есть удовлетворял прошения о возвращении конфискованного имущества, например, вдове, оставшейся после казни мужа с семьей детьми на руках.

Контрерас подводит следующий итог двадцатилетнего дела: «Инквизиция проиграла, ибо искренне уверовала в то, что, руководствуясь таким неопровержимым, с ее точки зрения, аргументом, как потенциальная склонность к ереси, передаваемая по наследству в соответствии с этнической принадлежностью, сможет посеять раздор в лоне городской олигархии... Сото и Рикельме объединились, чтобы дать отпор врагу, угрожавшему их жизни и благополучию» [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Контрерас Х. Инквизиторы и тайные иудеи. Власть, культура и религия в Испании Золотого века. Ст.-П., 2006.
2. Льорентс Х.А. Критическая история испанской инквизиции. М., 1936.
3. Кудрявцев А.Е. Испания в средние века. М., 2007.

4. Рюкуа А. Средневековая Испания. М., 2006.

5. Григулевич И.Р. Инквизиция. М., 1976.

Сейітова Ш.Б.

Шәкәрім атындағы Семей мемлекеттік университеті

ҚАЗАҚСТАН АЙМАҒЫНДАҒЫ АРҒЫН ЭТНОНИМИНІҢ ТАРИХИ-ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ СИПАТЫ

Он сан орта жүздегі аға арыстың бірі – Арғын. Этностың дүниеге келуі оның атауының пайда болып қалыптасуы аса күрделі құбылыс. Ол кейбір тосын жағдайларға емес, өте ұзақ тарихи дәуірге этностың тұрақталған өмір тіршілігіне өзін-өзі қауым ретінде танып білуіне байланысты. Арғын этнонимінің тарихына, дәуірлеу жолын бағамдауға, этнос ретінде қалыптасу жолдарын айқындауға арналған еңбектер біршама. Атап айтқанда: Арғын этнонимі туралы А.Левшин, Н.Аристов, А.Харузин, Ш.Уәлиханов, Г.Е.Грум-Гржимайло, В.Бартольд, І.Кеңесбаев пен Т.Жанұзақов, Ә.Марғұлан, Р.М.Мұсабаев, Ю.Зуев, С.Кляшторный, В.Востров пен М.Мұханов т.б. зерттеулер жүргізген. Сонымен қатар, Құрбанғали Халид (Тауарих хамса), Әбілғазы (Түрік шежіресі), Ш.Құдайбердіұлы (Түрік, қырғыз, қазақ һәм хандар шежіресі), Мәшһүр Жүсіп (Қазақ шежіресі), М.Тынышпаев (История казахского народа), Л.И.Левшин (Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей), И.Г.Андреев (Описание Средней орды киргиз-кайсаков), С.Аманжолов (Вопросы диалектологии и истории казахского народа), Нығмет Мыңжан (Қазақтың қысқаша тарихы), А.Әбдірахманов (Қазақстан этнонимикасы), Б.Нәсенов (Арғын шежіресі), С.Тәбәрікұлы (Қамбар шежіресі), М.Сәрсекеев (Тарақты және қаракесек шежіресі) және т.б. зерттеу еңбектерін, шежіре кітаптарды атап өтуге болады.

Арғын этнонимін зерттеуші ғалымдар арасында арғын атауын Ұлық Ергин, Баяғу (Шәкәрім қажы) «Ор-

хон-Енесай» жазбаларында кездесетін «Ұлық – арғун» тайпасымен Қытайдың V ғасыр жазбаларындағы гаугуй (алун) тайпасымен, монғол тобындағы тілдерде бар «он» деген сан есімді білдіретін «арғын» сөзімен байланыстыратын байыптаулар бар. Дегенмен, бұл тұрғыда ғылыми айналысқа зерттеуші Н. Аристов әкеп қосқан пікірге зерттеушілер тоқталмай өтпейді. Ол арғынды әу баста қытай жылнамаларында башми, Орхон жазбаларында (Білге – Қаған, Мойын-Шор) басмыл деп атаған тайпаның кейінгі атауы деп дәйектейді.[1.42] С.Аманжолов Н.Аристовтың көне тайпа басмыл мен арғынды «будан», «қоспа» мағынасын білдіретін бір тайпа деген пікіріне қарсы шығып, ол туралы төмендегідей ой айтқан: «По моему мнению, уже один тот факт, что тюркские племена басмыли и аргу или арғыну жили в XI веке параллельно, как это мы видим в трудах М.Кашкари, говорит о том, что предположение Аристова о происхождении арғынов от басмылов не соответствует действительности», - дей келіп арғындардың мекен-тұрақтары мен қазақ халқына қатысы туралы нақты пікір білдірген: «Мне кажется, что упомянутое выше сообщение Аристова (из китайского источника) об «алунах», безусловно, заслуживает самого большого внимания; название их совпадает с казахским названием *арғынов* // *аргунов*. Видимо, позднее, к XI веку, они предвигались к той местности, на которую указывает М. Кашкари. Арғыны среди тюркских племен, по крайней мере среди казахов, пожалуй, самое многочисленное племя.» [2.48] С.Аманжолов еңбегінде